

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

КРИСТИАННА

БРЭНД

НЕ ТЕРЯЙ ГОЛОВЫ

Инспектор Кокрилл

Кристианна Брэнд

Не теряй головы

«АСТ»

1941

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Брэнд К.

Не теряй головы / К. Брэнд — «АСТ», 1941 — (Инспектор Кокрилл)

ISBN 978-5-17-086104-0

Шутливое заявление Грейс Морланд в присутствии гостей, что она лучше умрет, чем наденет модную шляпку, обернулось трагедией: на следующее утро ее нашли мертвой, причем на голове у нее была именно такая шляпка. Инспектор полиции Кокрилл, ведущий расследование, приходит к выводу: так «пошутил» кто-то из гостей, накануне убийства находившийся в доме местного землевладельца.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-086104-0

© Брэнд К., 1941
© АСТ, 1941

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Кристианна Брэнд

Не теряй головы

Christianna Brand
Heds you lose

© Christianna Brand, 1941, 1944

© Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Кристианна Брэнд (настоящее имя – Мэри Кристианна Милн, 1907–1988) – известная британская писательница, одна из знаменитых на весь мир мастеров «золотого века» английского детектива, таких, как А. Кристи, Дж. Хейер, Э. Гилберт и Н. Марш.

Автор более двадцати романов и сборников рассказов, она несколько лет возглавляла Британскую ассоциацию остросюжетной литературы.

*Моему таксику Дэмпсти, а также мистеру и миссис Риз из
Исталиверы, за их к нему доброту*

Действующие лица

Стивен Пенрок, сельский сквайр, и его гости

Леди Харт

Фрэнсис Харт – ее внучка

Венис Голд – ее внучка

Генри Голд – муж Венис

Бунзен – дворецкий

Грейс Морланд – глупая женщина

Пайпа Ле Мэй – ее кузина

Тротти – их служанка

Среди этих десяти самых обыкновенных людей – две жертвы и один убийца

Глава 1

Возле дома Пенрока, на террасе, Грейс Морланд заканчивала сильно размытый акварельный набросок заснеженной колокольни. Слева железнодорожная линия эффектным зигзагом рассекала пухлые белоснежные холмы; справа фабричная труба воздевала к небесам свой закопченный перст, а над нею высился грандиозный столб черно-серого дыма. Однако Грейс Морланд предпочитала закрывать глаза на уродливые следы человеческой деятельности, а потому изобразила холмы без железной дороги и трубу также обошла вниманием, сосредоточившись на колокольне, ибо конструкция, возведенная во славу Господню, безусловно, вправе считаться живописной.

Были у колокольни и другие преимущества. Чтобы рисовать ее, требовалось обратиться к Стивену Пенроку с трепетной просьбой о позволении посидеть на террасе, ибо только оттуда колокольня видна в идеальном ракурсе.

– Я никому не помешаю, – уверяла Грейс Морланд, глядя на сквайра умоляющими бледно-голубыми глазами. – Буду сидеть тихо, как мышка!

Вряд ли она могла кому-нибудь помешать на занесенной снегом террасе, где гулял ледяной ветер.

– Да-да, конечно, – снисходительно и равнодушно отвечал Пенрок. – Сидите сколько хотите. Но ведь вы, кажется, уже рисовали ее раньше?

Конечно, рисовала! Акварель «Колокольня старой церкви в пору, когда цветут колокольчики» и сейчас красовалась над камином у нее дома, в Пиджинсфорд-коттедже, а «Колокольня старой церкви. Осень» томилась в чулане под лестницей у самого Пенрока – он ее вытаскивал перед приходом Грейс Морланд и вешал на стену в столовой. Весной, летом, осенью и зимой мисс Морланд робко спрашивала позволения посидеть на террасе, никому не мешая, и всякий раз засиживалась допоздна, так что хозяин дома вынужден был пригласить ее к чаю или ужину, а затем проводить до коттеджа. И все же он не предложил ей руку и сердце – ни зимой, ни весной, ни летом, ни осенью.

Пенрок в свои пятьдесят был высок, прям, хорош собой, с пробивающейся сединой, которая его ничуть не портила, и удивительными глазами, не то голубыми, не то зелеными, как море. Если заглянуть с утеса на побережье Корнуолла в холодную прозрачную глубину, вы увидите в точности цвет глаз Пенрока. Были в этих глазах и доброта, и улыбка, и дружелюбие, но не было любви – ни намек на нежные чувства, по крайней мере для Грейс.

Она с тревогой посмотрела на часы. Половина пятого, уже сгущаются сумерки. Дольше сидеть на террасе невозможно. Не попросить ли разрешения прийти завтра? Но завтра, по всей вероятности, снег совсем растает. На холмах он еще лежит пышными шапками, а здесь, в долине, почти сошел. Уже и сейчас приходится напрягать воображение. Правда, ветер такой холодный – ночью вполне может случиться снегопад... Однако за ней вот-вот кто-нибудь явится и, должно быть, позовет к чаю. Неужто о ней забыли? У Пенрока сейчас гости: леди Харт, давний друг семьи (она навещала Пиджинсфорд еще при дедушке нынешнего владельца), и Генри Голд, муж одной из ее внучек, Венис Харт. Грейс представила себе, как они сидят и уютно попивают чаек, а о ней и не вспоминают, оставили одну мерзнуть на террасе. Зайти в дом нет никакого повода – ведь если она и впрямь никому не хочет мешать, нужно всего лишь спуститься с террасы и по растаявшему снегу дойти до мостика, отделяющего сад Пенрока от ее собственного сада. Без четверти пять она уже будет пить чай у себя дома. Грейс начала нехотя убирать кисти.

И тотчас же ускорила процесс, заслышав голоса за стеклянными дверями. Выскочивший на террасу черный таксик немедленно принялся разнюхивать, что здесь нового. Вслед за ним показались Венис Голд и ее сестра Фрэнсис.

Мисс Морланд, уже полчаса их дожидавшаяся, разумеется, была сама не своя от удивления.

– Ах, миссис Голд! Мисс Харт! Как вы меня напугали! Я как раз собирала вещи, хотела тихонько уйти к себе в норку, как маленькая мышка. Чтобы никому не мешать!

– А не хотите сперва выпить чаю? – вежливо спросила Венис. – Мистер Пенрок велел вас привести.

– Можно мы сначала посмотрим вашу картину? – спросила Фрэн.

Она успела подзабыть, как выглядят обычно картины мисс Морланд.

– Когда снег, все такое красивое, правда? И даже эти неряшливые холмы становятся какими-то осмысленными, и эти черные деревья, и железная дорога убегает вдаль...

Сестры остановились перед мольбертом.

«Какие они красавицы!» – печально думала Грейс. Венис, к счастью, уже вышла замуж за этого ужасного еврея, Генри Голда, зато Фрэнсис свободна – слишком даже свободна, и до того хорошенькая, что в груди щемит. Венис вполне соответствует фамилии Голд. Золотая паутинка – смотришь на нее, и кажется – вот-вот подует ветерок и унесет ее в зачарованную страну. Фрэнсис тоже высокая, стройная как тростинка, у нее такие же изящные руки и узкие ступни с высоким подъемом, но чувствуется в ней какая-то отвага, словно она готова помериться силами с целым светом и беззаботно выйти победительницей. По контрасту со светловолосой сестрой-двойняшкой Фрэнсис брюнетка: черные волосы вьются мягкими локонами, темные глаза сияют, полные губы накрашены ярко-алой помадой, и вся она – словно тропический цветок, что внезапно расцвел в этом сугубо английском саду. «Цветы! – мрачно думала Грейс Морланд. – Паутинки!» Если бы Грейс была цветком, то типично английским. Скажем, колокольчиком, который неплохо смотрится в лесу, а подойдешь поближе – блекнет и увядает. Будь она паутинкой, то самой обыкновенной, пыльной серой паутиной, без всяких там золотых искр. Куда уж ей тягаться с этим буйством восхитительных красок, с молодостью и весельем сестер Харт, с торжеством жизни, которым веет от их сияющих глаз и нежных рук? В ее-то тридцать восемь, какие могут быть шансы у Грейс?

Они стояли перед картиной, обняв себя за плечи на холодном ветру.

– Азиз, лапочка, только не на мольберт мисс Морланд! – выговаривали они песику, а неизменно вежливая Венис добавила: – Как мило, мисс Морланд! Колокольня... Очень, очень мило!

Фрэн оказалась безжалостней. Всегда предельно честная с собой, она не умела лицемерить – даже из вежливости, даже из милосердия. Она искала, что бы хорошего сказать о картине, но правда вырвалась наружу:

– А почему вы рисуете колокольню? Она же такая уродливая!

Бедняжка! Не умеет ценить прекрасное, только и всего. Если человек сам не понимает, бесполезно ему объяснять, как красива колокольня старинной церкви, проглядывающая сквозь голые ветви деревьев, когда справа от нее расположена небольшая рощица, которую так удачно уравнивает слева чудный маленький коттедж мисс Морланд. И никаких трудностей с перспективой: одни только крыши виднеются над верхушками яблонь из сада мистера Пенрока.

– Кстати, – сказала Фрэнсис, рассматривая акварель в подступающих сумерках, – это же лес, где убили судомойку?

Судомойка – не Пенрока и не Грейс Морланд, а просто чья-то судомойка – раз под вечер, прошлым летом, попрощалась со своим кавалером, а потом ее нашли в жутком виде: руки бедняжки были связаны за спиной ее же собственным поясом, а голова отделена от тела одним взмахом косы. Коса лежала тут же, рядом. Тело, голова и орудие убийства были небрежно свалены под деревом, словно убийце вдруг надоело зловещее занятие и он его бросил, не стараясь даже скрыть улики. Именно благодаря такой небрежности полицейским ока-

залось невероятно трудно найти хоть какую-нибудь зацепку. Ни зловещего свертка с метками из прачечной, ни хирургически умело расчлененного трупа, ни веревки, завязанной характерным морским узлом. Ухажера, конечно, сразу нашли и тщательнейшим образом допросили, так же как подруг и родных, но все без толку. Несколько жалких шиллингов остались нетронутыми в сумочке покойницы. Аляповатую брошку сорвали с платья, а затем – вероятно, рассмотрев и сочтя дешевой – швырнули на труп. Кроме этого несчастного тела, в лесочке не осталось никаких следов ночного ужаса. Маньяк ли, вор или мститель – нападавший пошел своей дорогой. О нем так ничего и не узнали.

Фрэн первой вошла в гостиную через стеклянные двери.

– Азиз, ко мне, мой хороший! Ах, смотри, что ты наделал – все лапки грязные! – Она подхватила песика на руки и принялась вытирать ему лапы носовым платком. – Вот вам мисс Морланд! – сообщила Фрэн Пенроку, стоявшему спиной к камину, где ярко пылал огонь. – Она рисовала жутко мрачный пейзаж с той рощицей, где нашли судомойку.

Пенрок вздрогнул. Его тогда одним из первых позвали на помощь. Кто-то из местных наткнулся на мертвую девушку в леске и совсем потерял голову со страху.

– Бедное дитя, – проговорил Пенрок. – Ужасная история. Никогда не забуду, в каком состоянии были ее родители и несчастный молодой человек... И ее... ее голова... – Побледнев, он добавил, словно стараясь отвлечься от страшного видения: – Сейчас уже, наверное, концов не найдешь. Какой-нибудь бродяга скорее всего. Понадеялся, что у нее есть при себе деньги...

– Какой переполох был в деревне! – Фрэн бережно усадила Азиза в кресло. – Сыщики, фотографы и репортеры толпами. Наверное, никогда здесь такого оживления не случалось.

– Надеюсь, и не случится больше, – с чувством отозвался Пенрок.

– Так вы в то время здесь гостили? – спросила Грейс, предприняв неловкую попытку погладить Азиза.

Песик немедленно соскочил с кресла и уселся на полу, нервирова мисс Морланд пристальным взглядом.

– Это случилось в самом конце каникул, – объяснила Венис. – Фрэн с бабушкой, как обычно, гостили у мистера Пенрока, а мы с Генри проводили здесь последнюю неделю медового месяца. Лето не лето, если хоть несколько дней не провести с Пенном!

Она нежно улыбнулась Пенроку.

– А как поживает дорогая леди Харт?

– О, у нее все хорошо, она сейчас спустится. Джеймс Николл тоже здесь, вы знаете?

У Джеймса Николла в местной бухте стояла парусная лодка, хотя большую часть лета молодой человек проводил в деревенском пабе. Грейс он запомнился рассеянным, немного вялым и весьма неряшливым студентом. В последнее время он начал, хоть и без особого рвения, принимать участие в делах семейной фирмы и стал чуть менее неряшливым, хотя по-прежнему постоянно витал где-то в облаках. Его опекун и родной дядя, суровый старик, присматривал за племянником – надо отдать молодому человеку должное, он не давал серьезных поводов в чем-либо себя упрекнуть. При первой же угрозе войны дядя-опекун сбежал в Америку. Было бы ради чего бегать, с легким злорадством подумала Грейс – не далее как вчера она прочла в газете его некролог. Несомненно, племяннику достанется жирный куш; между прочим, говорят, мистер Николл сейчас в армии...

– Ах, какая радость! Я слышала, он нынче носит военную форму?

– Как же, как же, наш отважный мальчик в грубой шинели! – с мягкой насмешкой ответила Фрэн. – Он не знает, какой рукой положено козырять, и наверняка всегда шагает не в ногу, а в остальном бравый вояка. Сейчас у него увольнительная на неделю, и мистер Пенрок пригласил его к себе. Да, милый Пен?

Вот и прекрасно, думала Грейс, согревая замерзшие ноги у очага. Быть может, Фрэнсис займется этим Николлом, раз уж он получил наследство, и отстанет наконец от мистера Пенрока. «Милый Пен», вы подумайте! Скорее бы принесли чай.

– А вот и бабушка! – воскликнула Фрэн.

Сестры бросились к двери.

– Бабушка, ну как ты, подремала?

Старая леди больше всего напоминала пышный свежеиспеченный каравай, на который сверху посадили горошину вместо головы. Она весело вкатилась в комнату, сияя улыбками.

– ...А вот мисс Морланд, – прибавила Венис.

– Она рисовала рожицу, где прошлым летом девушку убили. – Фрэн все никак не могла успокоиться, настолько ее поразил странный выбор художницы.

Леди Харт, слегка удивившись, уселась в кресло под бурные оправдания Грейс.

– Ах, вот хорошо, Генри и Джеймс уже здесь! – заметила старушка. – Я хочу чаю.

На первый взгляд могло показаться странным, что двое настолько разных людей так тесно сдружились. Генри Голд – ярко выраженный еврей, хоть и без анекдотических черт: невысокий, худой, некрасивый, с озаряющей все лицо, чуточку плутоватой и неотразимо обаятельной улыбкой. Джеймс Николл – почти на голову выше, слегка сутулый, с вечно сонным взглядом интеллектуала, отстраненно взирающего на человеческую суету. Единственный здесь в военной форме, Джеймс не хвастался своей летной карьерой, уделяя ей всего лишь насмешливо-ленивую улыбку.

– Как я рада вас видеть, мистер Николл, и в хаки! – восхитилась мисс Морланд. – Или вас нужно звать капитаном? Или майором? И эти очаровательные ромбики на погонах! Для меня большая честь пожать вашу руку.

– Да неужели? – удивился Джеймс.

– Вы были во Франции во время всех этих ужасов? Дюнкерк и прочее? Прошу вас, расскажите о ваших приключениях! Или... – Она продолжила громким шепотом: – Быть может, вам не хочется говорить об этом?

Джеймсу очень даже хотелось говорить об этом, только не с мисс Морланд.

Генри пришел ему на помощь:

– Он все время просидел на аэродроме, уткнувшись в карманное издание «Бесплодных усилий любви».

Завидует, конечно. Ох уж эти евреи!

– А вы, мистер Голд, я смотрю, не в военной форме, – промолвила Грейс.

– С его профессией не берут в армию. – Венис ринулась на защиту мужа. – Он еще в самом начале войны хотел пойти добровольцем, но ему не разрешили. Сказали, он на своем месте нужнее.

Генри усмехнулся, прикрываясь ладонью. Милая Венис! Как будто его волнует мнение нелепой старой девы. Однако в глубине его души небрежная неприязнь к мисс Морланд усилилась и приобрела личный характер.

Азиз с недовольным видом отошел от Грейс, устроился на коврик у камина и занялся сложными гигиеническими процедурами.

– Солнышко, здесь нельзя! – пожурила его Фрэн, подталкивая в бок носком туфельки. – Воспитанные собаки так не делают!

Поразительно, изумилась Грейс, устремляя взор в неведомую даль, – ну можно ли вот так привлекать к этому общее внимание?

И сказала, чтобы заполнить паузу, которую никто, кроме нее, и не заметил:

– Азиз – что за странное имя?

– Потому что он у нас черненький, – ответила Венис, как будто это все объясняло.

Мисс Морланд смотрела непонимающе.

– В честь доктора-индийца из «Поездки в Индию»¹, – любезно пояснил Генри. – А матушку нашего песика звали Эсмис Эсмур.

Грейс прикусила ноготь, возведя к потолку выцветшие голубые глазки.

– «Поездка в Индию»... «Поездка в Индию»... Нет! Не попадалось. – Отринув таким образом «Поездку в Индию», она умиленно добавила: – Очень странно, я ведь так люблю книги о путешествиях!

Наступило зловещее молчание. Мисс Морланд поняла, что сморозила что-то не то, и в попытке замять неловкость весело проговорила:

– Надо же, такса! Я бы собаку немецкой породы не стала заводить. Особенно в военное время.

– Не стали бы? Вот глупость! – сказала Фрэн.

Леди Харт мягко заметила, что нельзя же сдать Азиза в камеру хранения до окончания войны.

– Ах, ну разумеется, я понимаю, некоторые очень привязываются к собакам, – поспешно отозвалась Грейс. – Он, конечно, милый зверек. Откуда он у вас?

– На парашюте с неба спустился, – буркнул Джеймс и с милой улыбкой добавил: – Под видом англиканского священника.

Священником в Пиджинсфорде был некогда отец мисс Морланд.

– Ну да, у них воротник – как ошейник, – подхватил Генри, и приятели покатались со смеху, с несколько истерическими нотками.

Тут вошел с подносом старенький дворецкий, ступая по-кошачьи осторожно – его мучили мозоли.

– А еще, мисс Фрэн, вам тут посылка. Из почтового отделения в Торрингтоне доставил курьер. Она на столе в холле.

– Это моя новая шляпка! – Фрэн сорвалась с места и схватила дворецкого за руку. – Скажите, Бунзен, это шляпная картонка? Квадратная, вот такого размера?

– Примерно такого, мисс.

– Значит, она! Как чудесно! Я просила прислать ее сюда, только не думала, что так быстро... Здесь, конечно, я ее носить не смогу – у местных жителей будет разрыв сердца. Бабулечка, вот посмотришь! Ты вечно жалуешься, что нынче шляпки не такие дурацкие, как были в ваше время. А эта – еще какая дурацкая!

Так оно и было. Фрэн вернулась в гостиную, нацепив шляпку поверх своих темных кудрей, улыбаясь и раскланиваясь на все стороны, и покружилась, чуть зардевшись под взглядом сонных карих глаз Джеймса. У Пенрока сердце болезненно сжалось – такая она была милая, веселая и бесхитростная, с этим смешным пучком цветов и перьев на голове.

– А тебе нравится, Пен? – спросила она, вдруг подойдя к нему и с простодушной улыбкой заглядывая в глаза.

Не успев опомниться, он за руку притянул ее к себе и поцеловал, прямо при всех.

– Ты маленькое чудо! – воскликнул Пенрок, а потом, сообразив, что сделал, прибавил со смехом: – Эта шляпка – просто наваждение какое-то! Скажите, мисс Морланд, это ведь необыкновенная шляпка, правда?

Грейс оцепенела, словно примерзла к стулу. Так холодно ей не было и на террасе, хотя там дул ледяной ветер, а здесь огонь полыхал в очаге. В одно-единственное мгновение рухнули все ее мечты.

Она тоже не совладала с собой, только совсем не из-за любви к Фрэн, крикнув со злобой:

¹ Роман Э. М. Форстера; Эсмис Эсмур – исковерканное местными жителями имя одной из героинь романа – миссис Мур. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– По-вашему, это шляпка? Не шляпка, а не пойми что! Господи, да я бы даже мертвой в канаве не хотела бы людям показаться на глаза в этом безобразии!

Все смотрели на нее с удивлением.

Фрэн медленно сняла шляпку.

– Простите... Жаль, что вам не нравится. Конечно, это просто глупая безделка, но мне она показалась довольно симпатичной.

Должно быть, мисс Морланд обиделась за свою картину, решила Фрэн.

Грейс засобиравалась уходить.

– Я, наверное, была слишком строга, – пробормотала она, слегка смутившись при виде несчастного лица Фрэн. – Шляпка, конечно, очаровательная, просто мы здесь к таким не привыкли. В деревне, да еще в военное время, люди думают все больше о серьезных проблемах. Не правда ли, мистер Пенрок? Вы поймете, вы ведь живете среди нас. Эта блестящая лондонская молодежь...

Пенрок не пожелал обсуждать своих гостей при них.

– Позвольте, я вас провожу, – сказал он и, не удержавшись, добавил: – Чтобы с вами ничего не случилось в рощице.

Фрэн и Венис вышли вместе с ними на террасу.

– Какая злая, – растерянно проговорила Фрэн, глядя, как Грейс и Пенрок медленно идут по заснеженной лужайке. – Я ей, кажется, ничего плохого не сделала. За что она так о моей шляпке?

– Боюсь, дело не в шляпке, – нехотя отозвалась Венис. – Похоже, Пен в тебя влюбился.

Фрэн поморщилась:

– Боюсь, что так. Вот смешно, с чего бы вдруг?

– Фрэн, это началось давным-давно. Ты еще совсем маленькой была. Он всегда тебя больше всех любил. То есть меня любил тоже – и сейчас, конечно, любит. Но с тобой все по-другому, и вот – прорвалось. Скажи, а ты не могла бы в него влюбиться? Он такой милый.

Фрэнсис ответила с сомнением:

– Ну, не знаю... Конечно, он чудесный, и я бы стала богатой и могла постоянно жить в Пиджинсфорде...

– Ты и так богатая! – засмеялась Венис.

– Да, в том-то и дело. Одним корыстным соображением меньше, а я не знаю, смогу ли выйти за Пена без дополнительных корыстных соображений – ну, там, ради выгоды, или чтобы грех прикрыть, или еще что-нибудь в таком духе. И потом, он же старый!

– Да, есть немножко. А все-таки жаль – два таких прекрасных человека тебя любят, Пен и Джеймс, и оба безответно.

– Ах, насчет Джеймса еще неизвестно – он же молчит. Может, и вспоминает обо мне только в промежутках между чтением Горация и Шекспира. Но все равно, я думаю, что-то есть.

– Еще как есть, – улыбнулась Венис. – Вот если бы Генри так на меня смотрел, как на тебя Джеймс иногда смотрит...

– Генри тебя обожает! – возразила Фрэн.

– Да, солнышко, но не так, как я – его и как тебя – Джеймс. Ты, наверное, не поймешь, ты ведь никогда не любила, только в тебя влюбляются. Это так ужасно – когда любишь до боли, а тебя любят только в ответ. Раньше, до замужества, многие в меня так влюблялись – до боли, и надо же мне было выбрать того единственного, у кого ко мне спокойное такое, доброе и теплое чувство... Я знаю, все наши знакомые считают, ему со мной повезло, потому что он еврей, и не особенно красив, и положение в обществе у него не очень... Они и представить не могут, что это мне повезло! Потому что Генри мне нужен ужасно, невероятно и гораздо больше, чем я ему. Полгода прошло со свадьбы, а ничего не изменилось. Мой тебе совет,

Фрэн: выходи за Пена или Джеймса. Не жди, пока сама от любви голову потеряешь. Поверь, быть любимой намного приятнее.

Фрэн комично почесала в затылке и вновь скорчила гримаску.

– Я думаю, все как-нибудь устроится... Я уж подожду, пока мне хотя бы предложение сделают! И все-таки забавно, если подумать... Мы же с детства привыкли смотреть на Пена как на родного дядюшку!

– Для него это совсем не смешно, – серьезно ответила Венис.

Пенроку в самом деле было не до смеха. Он шагнул рядом с мисс Морланд в глубокой задумчивости, проклиная свои седые виски. «Фрэн сейчас года двадцать четыре – двадцать пять, – думал он. – Я вдвое старше. Почему каждый раз, приезжая в Пиджинсфорд, она становится все красивее? Богу известно, я думал, что люблю ее, когда она была голенастым жеребенком с темной гривой, а сейчас она настоящая женщина, при всем своем ребячестве... Не могу больше бороться. Я должен поговорить с леди Харт»...

Пенрок вдруг заметил, что его спутница все это время говорит без умолку, истерически выплескивая всю накопившуюся злость и ревность.

– ...И право же, мистер Пенрок, простите, что я была резка с вашей гостьей, но когда я увидела, как она кривляется в этой кошмарной шляпчонке, да еще вся размалеванная... Право слово, когда я была в ее возрасте... давно это было, что уж тут скрывать... Меня учили, что подобным образом держат себя только женщины легкого поведения. Конечно, где нам, сельским жителям, угнаться за лондонской модой, но право слово... Мистер Пенрок, ну скажите откровенно, по совести, что вы обо мне подумали бы, начни я так себя вести?

Пенрок невольно рассмеялся, представив, как Грейс Морланд кружится по гостиной, смеясь, краснея и хвастаясь милой смешной шляпкой. Ему и в голову не приходило, что его спутница ревнует; он замечал только, что она несет околесицу. Смеясь, Пенрок остановился у калитки. На сердце у него было тепло от мыслей о Фрэн. Его мечтательно-отсутствующий взгляд поразил Грейс до глубины души, и она вдруг завизжала, позабыв всякую осторожность:

– Вы бы сказали обо мне то, что надо было сказать о ней! Сказали бы, что я веду себя не лучше обыкновенной... обыкновенной... потаскушки!

Она рывком распахнула дверь коттеджа и, захлебываясь от рыданий, бросилась к себе в комнату.

Фрэн спустилась к ужину раньше леди Харт и Венис. Замерев на пороге, она окинула взглядом гостиную. У резного камина стоял Джеймс Николл с высоким стаканом в руке и вечным своим полусонным выражением. Когда Фрэн подошла к нему, он отчасти пробудился – по крайней мере настолько, чтобы заметить:

– Фрэн, ты похожа на орхидею. На самую роскошную каттлею. Как ты ухитришься быть такой яркой в простом сером платье?

В последнее время ей с Джеймсом было как-то не по себе. Никогда не знаешь, принимать ли его всерьез. Она ответила тоном легкой шутки:

– Спасибо, моя радость! Нечасто приходится слышать от тебя такие замечательные слова.

– Сейчас услышишь нечто по-настоящему замечательное, если только остальные будут еще дольше собираться, – ответил он все с той же неспешностью. – Сегодня я впервые понял, что наш Пен положил на тебя глаз, и, опасаясь, как бы ты не поторопилась невзначай одарить его своей благосклонностью, я решил злоупотребить его гостеприимством и сообщить тебе, что я также в числе претендентов. Не знаю, догадывалась ты или нет. Коктейль будешь?

Фрэн, растерянно глядя на него, взяла коктейль.

– Пожалуй, мне сейчас это необходимо. Ты просишь моей руки?

– Попросил бы, будь у меня время, – ответил Джеймс, косясь на дверь. – Но тут довольно долгая история... Ты не против ее выслушать попозже, сегодня вечером?

– Ах, конечно! То есть «конечно» не в смысле «я согласна», а просто я, конечно, хочу услышать историю и... и... посмотрим, что тогда. Только мы же не можем взять и вдвоем куда-нибудь уйти сразу после ужина?

– Думаешь, Пенроку не понравится? Ты права. Наверное, не понравится. С другой стороны, я тут сочинил прекрасную речь и очень хочу ее произнести. Вот что: давай встретимся, когда все разойдутся по кроваткам? Выходи на террасу... А лучше в сад, прогуляемся при луне. Чудесный вечер для свидания.

Тут вошел Пенрок, а вскоре появилась и леди Харт.

– Милый Пен, мне, пожалуйста, хереса. Фрэн, что с тобой? Почему ты такая бледная?

– Быть такого не может; я целую банку румян извела. А где наш Черныш?

Вошли Венис и Генри. Азиз прибежал трусцой по пятам за дворецким.

– Иди сюда, вражеская собака! – воскликнула Фрэн, подхватив его на руки. – Какая вреднюга эта мисс Морланд! Говорит, не взяла бы такую собаку, потому что порода, видите ли, немецкая... Ах ты мое чудо!

Фрэн унесла песика в столовую, что-то нежно нашептывая ему в бархатное ушко.

Наконец все сели ужинать за старинный стол красного дерева: Пенрок – во главе, справа от него жизнерадостная леди Харт в пышном черном бархатном платье и съехавшем набок кружевном чепце, надетом, чтобы скрыть, как поредели мягкие белоснежные волосы; слева – Венис в сияющем ореоле светлых кудрей; далее Фрэн, непривычно притихшая и все еще чуточку бледная под слоем румян. Генри выдвинул теорию, что Азиз на самом деле – простой британский бульдог, в Германии был по заданию разведки, а потом вдруг ветер переменился...

Бунзен принес кофе.

– И еще, капитан Николл, сэр, вас к телефону.

– Меня? – удивился Джеймс. – Кто может знать, что я здесь? Ладно, пойду узнаю. Только бы не оказалось, что меня вызывают из отпуска!

Отсутствовал он долго – все успели выпить кофе и перейти к портвейну, а когда вернулся, выглядел слегка напряженно.

– Оказалось, ничего особенного. Просто... мне позвонили.

– Да что ты говоришь! – рассмеялась Венис.

Они перешли в гостиную и сели играть в баккара.

– Я, пожалуй, не буду играть, – сказал Джеймс, небрежно придвигая к каждому нужное количество спичек, служивших фишками. – Что-то голова разболелась. Лучше пройдуся.

Поверх голов ничего не подозревающей компании он одними губами напомнил Фрэнсис: «В саду, в одиннадцать».

А потому в половине одиннадцатого Фрэн, широко зевнув, объявила, что уже страшно поздно и пора бы всем ложиться спать. Поскольку обычно именно ради ее азарта все общество засиживалось за игрой до глубокой ночи, слова эти были восприняты с изумлением и даже отчасти с облегчением. Азиза вывели ненадолго на террасу – исключительно по делу, и пожертвовали один носовой платок на вытирание грязных лапок. Затем Венис отнесла довольного песика наверх. Пенрок с ключом в руке крикнул от входной двери:

– Джеймс уже вернулся?

Фрэн прижалась ухом к двери в комнату Джеймса и, перегнувшись через перила, крикнула в ответ:

– Говорит, он уже лег! Спать хочет, голова так и не прошла.

Пенрок запер дверь и медленно поднялся по лестнице.

– Надеюсь, это не грипп. Я и сам неважно себя чувствую. Может, загляну, спрошу, как он?

– Нет-нет, он не заболел! Просто, знаете, как это бывает, когда голова болит: хочется, чтобы тебя никто не трогал.

Фрэн решила завтра быть с Пенем поласковее, чтобы искупить эту ложь.

– Пен, скажешь Азизу «спокойной ночи»? – спросила Венис, поднося к самому его лицу черную мордочку. – Поцелуй дядю Пена, мой ангел! Вот умница... Правда, он милый?

– Деточка, не разрешай ему облизывать людей!

– Ну бабушка, ты совсем как эта Морланд! Пену нравится. Правда, Пен?

– Я без этого не засну! – со смехом ответил Пенрок, пятась к своей комнате. – Спокойной ночи, Венис! Спокойной ночи, леди Харт! Спокойной ночи, Фрэн.

– Спокойной ночи, Азиз! – Фрэн прижалась щекой к мягкой собачьей шерстке. – Сладких снов, мое золотце! Венис, не забудь – завтра моя очередь! Спокойной ночи, мой хороший! Спокойной ночи, Генри! Спокойной ночи, бабушка...

Фрэн скользнула к себе в комнату и, закрыв дверь, прижалась к ней спиной.

Глава 2

Пенроку снился сон – будто он идет по длинному темному туннелю, а далеко впереди, на фоне света, виднеется женская фигурка. И почему-то невероятно важно увидеть лицо незнакомки. А ноги как свинцом налиты. Пенрок рванулся изо всех сил и наконец, выйдя на солнце, взял женщину за подбородок и начал поворачивать ее к себе, но тут сзади, в туннеле, раздался страшный шум. Пенрок обернулся посмотреть, что там грохочет, а когда сноваглянул вперед, женщина исчезла... Он лежал в своей постели, замирая от необъяснимого дурного предчувствия, а в дверь громко стучали.

– Войдите!

Пенрок сел и включил ночник у кровати. Наверное, что-то случилось – на часах еще не было полуночи.

Вошла леди Харт в халате. Ее добродушное морщинистое лицо совсем побелело.

– Пен, вставай скорее! Случилось ужасное несчастье... Я... Мне страшно!

– Что такое? – Пенрок поспешно накинул халат и сунул ноги в домашние туфли.

– Там девушка... Бунзен ее нашел... Увидел... – Дрожа всем телом, леди Харт прислонилась к столбику кровати. – Пен, в саду у дороги лежит девушка, и она... На ней шляпка... Новая шляпка Фрэн...

– Шляпка? А где Фрэн? – холодея, спросил Пенрок.

– Ее нет в спальне... – Леди Харт пошатнулась, цепляясь за столбик. – И кровать не разобрана... Я сразу сюда бросилась. Пен... Ее нет в комнате...

Леди Харт, обмякнув, осталась лежать на полу без сознания.

Пенрок этого даже не заметил. Он уже мчался по лестнице, прыгая через три ступеньки. Кое-как отпер входную дверь и выбежал в залитый луной сад. От страха мутилось в голове. Посреди лужайки его встретил бледный Бунзен с выпученными глазами.

– Сюда, сэр! Там, у калитки... Господи, ужас... Она... Ее голова...

Она лежала в канаве – там, где дорогу пересекал ручей. В лунном свете все было отчетливо видно: неестественно вывернутые ноги, заведенные за спину руки и голова... Отрубленная голова криво приставлена к шее, а на голову нахлобучена дурацкая новая шляпка Фрэн. Все в глазах заволело кровавым туманом. Пенрок зажмурился от ужаса. Ноги у него подломились, и, рухнув на колени, он пополз к жуткому телу. Отбросил непристойно легкомысленную шляпку, отвел в сторону слипшиеся, темные от засохшей крови волосы и, с трудом поднявшись, едва дошел до края канавы, а там упал снова, и его вывернуло наизнанку.

Но из-под спутанных, пропитанных кровью волос, искаженное смертной гримасой, ему явилось не прелестное личико Франчески. И тело, и отрубленная голова принадлежали Грейс Морланд.

К возвращению Пенрока леди Харт уже очнулась и со страхом ждала его, присев на краешек кровати.

– Это Грейс Морланд, – сразу же сказал Пенрок. – Ее убили. Надо найти Фрэн.

Леди Харт чуть снова не лишилась чувств, но кое-как справилась с собой и, пошатнувшись, встала на ноги.

– Слава богу, это не Фрэн! Я так испугалась... Мысли путаются... Я тут, кажется, в обморок упала. Сидела потом, старалась взять себя в руки. Заглянем еще раз к ней в комнату!

Фрэн крепко спала, свернувшись, как котенок. Когда зажегся свет, она пошевелилась и раскрыла сонные глаза.

– Кто там? Что? Бабушка! Что такое, воздушный налет?

Леди Харт застыла, как громом пораженная.

– Фрэнсис! Давно ты здесь?
– Что значит – давно? – Фрэнсис села в постели, отбрасывая назад черные кудри. –
Всю ночь. То есть как легла, так и сплю.
Пенрок тоже переступил порог.
– Случилось несчастье с Грейс Морланд. Она... Словом, ее убили.
– Грейс Морланд убили? Как это – убили?
От пережитого ужаса Пенрок сделался раздражителен.
– Очень просто – голову отрезали! – рявкнул он.
Венис в халатике выглянула из своей комнаты, прижимая к груди таксу.
– Что тут за крики? Случилось что-нибудь? Воздушный налет?
– Грейс Морланд отрезали голову, – ответила Фрэнсис и залилась истерическим смехом.

Леди Харт, предостерегающе взглянув на Пенрока, села на край кровати и обняла внучку.

– Тише, моя дорогая, успокойся. Ты разволновалась до неприличия. Венис, у нас в саду нашли бедняжку мисс Морланд. Пен только что ходил смотреть.

В комнату бесшумно двинулся Генри Голд – темноволосый, чуточку таинственный, обвел быстрым взглядом лица.

Венис бросилась к нему:

– Генри, Грейс Морланд убили!

– Грейс Морланд? Она же была у нас сегодня. Как ее могли убить?

– Убили, представьте себе, – резко проговорил Пенрок, выведенный из себя их бестолковыми репликами. – Она лежит в канаве у дороги. Ей отрезали голову, точно так же, как судомойке прошлым летом. Там сейчас Бунзен, я ему на подмогу садовника отправил.

– В полицию звонили? – спросил Генри.

– Не сообразил. В самом деле, надо позвонить. А врача вызывать?

– Нет, если она точно мертва. Полицейские сделают все, что нужно.

– Она точно мертва, – свирепо ответил Пенрок, снова вспомнив жуткий труп в канаве. – Ее голова... Слушайте, Генри, может, позвоните вместо меня в полицию? Мне немного нехорошо...

Двигаясь как автомат, он прошел к себе в спальню и закрыл дверь.

Деревня Пиджинсфорд – горсточка маленьких домиков и лавчонок вокруг усадьбы, которую здесь называют «Большой дом». Никак не получалось втолковать единственному констеблю, что мисс Морланд убита и ее труп лежит у дороги возле дома мистера Пенрока. В конце концов Генри Голд попросту предложил констеблю немедленно прийти на место происшествия, а сам позвонил в полицейский участок соседнего городка Торрингтон – пятнадцать миль от Пиджинсфорда. Инспектор Кокрилл без большого интереса ответил, что приедет через полчаса.

Тем временем Фрэн настояла на том, чтобы разбудить мелодично храпевшего Джеймса. Склонившись над ним, она потрясла его за плечо.

– Проснись, Джеймс! Проснись!

– Чткое? – отозвался Джеймс, вновь натягивая одеяло до подбородка.

– Джеймс, просыпайся! Случился такой ужас! Пожалуйста, проснись!

Леди Харт, подойдя к умывальнику, смочила губку водой.

– Вот, попробуй! По моему опыту, безотказный способ.

Фрэн, сжалившись над Джеймсом, часть воды отжала и осторожно провела губкой по лицу спящего. Растрепанный спросонья Джеймс рывком сел, хлопая глазами.

– Эй, в чем дело? Вы что делаете, черт возьми?

– Если ты тоже спросишь про воздушный налет, я закричу, – предупредила леди Харт.

– Случилось ужасное несчастье, – повторила Фрэн. – Мисс Морланд убили. Там, в саду.

– Грейс Морланд? – растерянно переспросил Джеймс.

– Да! Ее убили, бедняжку. Сейчас явится полиция, будут всех расспрашивать. Они захотят узнать, где мы были всю ночь и тому подобное. Мы-то, конечно, все спали в своих постелях, но все-таки решили тебя разбудить и рассказать, что происходит...

По лицу Джейса мелькнула слабая улыбка.

К тому времени, как вернулся от телефона Генри, все сидели в гостиной в торжественном молчании.

– Ну вот, я позвонил в полицию. Еле дозвался кого-то осмысленного. В конце концов попросил вызвать Коки – он уже едет. – Генри из приличия делал скорбное лицо, сдерживая азарт. – А кто нашел тело?

– Я, – вздрогнув, ответила леди Харт. – Вернее, Бунзен ее нашел и сказал мне, а я сказала Пену. Я услышала шум, выглянула, а на террасе Бунзен бросает камешки в окно Пена – оно рядом с моим. Я спросила, в чем дело, а Бунзен ответил, что в саду у дороги, рядом с воротами, лежит девушка или женщина... Кажется, он сказал «молодая леди». Бедный старый Бунзен был совсем расстроен и запыхался страшно – бежал, наверное, через весь сад, чтобы сообщить Пену.

– Почему же сразу не пошел к нему?

– Так парадная дверь на ночь запирается, а до черного хода вокруг дома еще бежать и бежать, что тут непонятного? Генри, не перебивай! Рассказывай дальше, бабушка!

– Я спросила: «Что за женщина?» – а он сказал, что не знает. У нее лицо было закрыто волосами. Он только увидел, что на ней шляпка Фрэн.

– Моя шляпка?! – вскрикнула Фрэн.

– Так сказал Бунзен. Он ведь видел тебя в этой шляпке, когда подавал на стол. Наверняка он ошибся – откуда у мисс Морланд твоя шляпка? Но я-то, конечно, подумала, что это ты там лежишь, и я... Словом, я пошла и разбудила Пена, – немного сбивчиво закончила леди Харт.

Никто не обратил внимания на эту заминку.

– Ах, наверное, Бунзен ошибся! – взволнованно воскликнула Фрэн. – У нее никак не могло быть моей шляпки. Шляпку я оставила на столике в холле – сейчас пойду проверю.

Фрэн выбежала на лестницу и перегнулась через перила. Шляпная картонка стояла открытая и пустая. Крышка лежала на стуле, возле нее валялся обрывок папиросной бумаги. Генри встал рядом с Фрэн и тоже посмотрел.

– Кажется, она пропала.

Инспектор Кокрилл выглядел намного старше своих лет: невысокий темнолицый человечек с глубоко посаженными глазами, широким умным лбом, орлиным носом и гривой пушистых белоснежных волос. Мягкую фетровую шляпу он носил слегка набекрень, словно вот-вот начнет декламировать байроновское «Прощание Наполеона». В Торрингтоне и окрестных деревушках все его называли Коки. Говорили, что под желчной внешностью инспектора скрывается золотое сердце, хотя иные с горечью добавляли, что сердце это такое крошечное и докопаться до него так трудно, что не стоит и стараться. Пальцы его правой руки потемнели от никотина, став похожими на мореное дерево.

Он был глубоко потрясен, увидев у дороги несчастное изломанное тело. Инспектор знал Грейс Морланд еще маленькой девочкой. Отец мисс Морланд венчал его когда-то (причем произнес небольшую речь, оказавшуюся впоследствии неоправданно оптимистичной), затем похоронил жену инспектора, умершую родами. Ребенка в скором времени похоронил тоже, а вместе с ним все надежды инспектора, да и большую часть веры и милосердия. Грейс, когда подросла, поглядывала на инспектора, хоть и без особого воодушевления, считая его не

ровней себе по происхождению и воспитанию. Он же нисколько не обижался, считая ее сентиментальной дуручкой. Но такой ужасной смерти она не заслужила, бедняжка! И голова... Инспектор бережно поднял отрезанную голову за волосы.

Светало, когда усталый инспектор вошел в гостиную. Леди Харт и девочки сидели, прижавшись друг к другу, на диване. Венис держала за руку Генри, а Фрэн сидела одна – именно потому, что желающих ее утешать было слишком много. На коленях у нее спал Азиз. Взволнованная горничная подала крепкий черный кофе.

Кокрилл тоже взял чашку.

– Не пошлете ли кофе моим людям в саду, мистер Пенрок? Сочувствую вам; такое потрясение.

Пробежавшись взглядом по лицам, инспектор подумал: «Одна из барышень при всем потрясении не забыла накраситься. А может, не успела снять макияж? Любопытно...»

Пенрок осторожно спросил:

– Инспектор, а как насчет домашних мисс Морланд? Вы, конечно, знаете ее служанку, старую Тротти. Для Тротти случившееся будет страшным ударом. Надо бы ей сообщить, как вы думаете?

Кокрилл иронически взглянул на него:

– О да, я об этом подумал.

Пенрок вспыхнул:

– Простите, я не хотел вам указывать.

– Ничего страшного, – улыбнулся Кокрилл. – Но вы не беспокойтесь, я обо всем позабочусь. А теперь скажите: кто-нибудь из вас что-нибудь знает об этой истории?

– Милый Коки, откуда? – воскликнула Фрэнсис.

Они с Венис знали инспектора с детства.

Кокрилл посмотрел на нее в упор, затем вытащил табак, листок бумаги и свернул себе корявую сигарету.

– Мистер Пенрок, а почему ваш дворецкий возвращался домой в полночь?

– Он ездил к сестре, в Тенфолд, – ответила Венис.

– Так и есть, инспектор. Я ему разрешил отлучиться после ужина. Сестра у него болеет, а тут позвонили, сказали, что ей стало хуже. Пока мы вас ждали, Бунзен рассказал, что она очень плоха и он задержался, вызывал доктора Ньюсома из Торрингтона. Знал, что я не буду возражать. Он у меня уже много лет служит и, в сущности, делает все, что ему заблагорассудится.

– И вы может подтвердить, что у него в самом деле есть больная сестра в Тенфолде?

Пенрок даже растерялся.

– Господи, да! Вы на что намекаете? Я и сам ее видел на днях. Спросите Ньюсома, пусть он скажет!

– Хорошо-хорошо, я просто спросил, – миролюбиво отозвался инспектор. – Итак, дворецкий обнаружил несчастную и сообщил вам, леди Харт, верно?

Леди Харт, уже немного придя в себя, добавила драматизма в повесть о своем пробуждении:

– ...И тогда я бросилась к мистеру Пенроку, разбудила его и рассказала о случившемся... А потом, кажется, упала в обморок.

– Я побежал в сад, – продолжил рассказ Пенрок, протягивая горничной чашку за новой порцией кофе. – Увидев, что там мисс Морланд, я оставил Бунзена рядом с телом и нашел еще одного человека ему в помощь, затем вернулся в дом, и мы с леди Харт разбудили остальных.

– В каком порядке? – осведомился Кокрилл, стараясь не задерживать взгляд на макияже Фрэн.

– Собственно говоря, Венис и мистер Голд сами проснулись. А мы сперва заглянули к Фрэн...

– Почему именно к ней, а не, скажем, к капитану Николлу?

– Потому что ее комната ближе. Прямо напротив спальни мистера Пенрока, – быстро ответила леди Харт, не глядя на Пенрока. – Вот мы туда и зашли сразу же. Моя внучка лежала в постели и спала. Потом подошли Венис с мужем, и в конце концов мы разбудили Джеймса. Еле растолкали, он так крепко спал... Тут мы заметили, что шляпка пропала...

Леди Харт вдруг запнулась.

– Шляпка? – насторожился Кокрилл. – Какая шляпка?

– Видите ли, инспектор, тут очень странная история, – волнуясь, ответил Пенрок. – Сегодня... То есть уже вчера, – поправился он, глядя на часы, – Фрэн прислали новую шляпку. Она оставалась в коробке, на столике в прихожей. Вы наверняка обратили внимание, что у мисс Морланд... э-э... на голове... была шляпка с цветами. Так вот, это шляпка Фрэн.

– Когда я ее видел, шляпы на голове не было, – задумчиво ответил Коки.

– Как так? Я же уверен... – Пенрок прижал ко лбу ладонь. – Ах да, точно, я ее снял, наверное. Теперь вспоминаю, я ее отбросил в сторону, чтобы разглядеть лицо. Я так испугался, что это Фрэн лежит в канаве... Хотел скорее увидеть лицо.

– Почему вы решили, что это Фрэн? – заинтересовался инспектор.

– Из-за шляпки, конечно! – резким тоном ответила леди Харт.

– А, да-да, из-за шляпки. А на самом деле Фрэн спокойно спала в своей постели?

– Да, – ответили хором Пенрок, леди Харт и Фрэнсис.

– И капитан Николл тоже спал в своей постели. А вы, Венис?

– Коки, я тоже спала, естественно.

– А вы, мистер Голд? Вы были вместе с Венис?

– Вообще-то я спал в гардеробной, но если вы намекаете... – с жаром начал Генри.

– Ладно-ладно, я просто спросил.

Инспектор коротко записал, кто где находился, начиная с того времени, когда они в последний раз видели мисс Морланд, а затем стал прощаться.

– Я сейчас еще раз зайду в Пиджинсфорд-коттедж...

Пенрок отметил про себя это «еще раз».

– ...А с утра пораньше снова к вам. Я оставлю человека дежурить в холле. Вы не против, мистер Пенрок?

– Нет, конечно. А почему в прихожей? Что там сторожить? Там ничего нет.

– Вот именно это я и хочу посторожить, – отозвался Коки, вставая и нахлобучивая набекрень свою старую потертую шляпу. – Ничего – крайне интересный предмет, особенно в шляпной картонке. – И с этими словами инспектор, тяжело ступая, скрылся в ночи.

Все разошлись по своим комнатам, но спать ложиться было невмочь, и вскоре они снова собрались на площадке лестницы: кто присел на подоконник, кто – на большой дубовый сундук. Фрэн сидела на верхней ступеньке, держа на руках Азиза и глядя вниз, где сонный констебль охранял пустую шляпную картонку. Шляпка! Все вертится вокруг шляпки. Почему это бедное тело еще и выставили на посмешище посредством нелепой крошечной шляпки Фрэн? В голову лезли безумные мысли о загадочных вендеттах, о странных верованиях и суевериях – а потом с невероятным облегчением все вспомнили о судомойке в лесу. Маньяк, ну конечно! Тоже хорошего мало, но, хоть и нелепо такое говорить, по крайней мере мысль здравая. Маньяк нанес новый удар и по какой-то необъяснимой причине больного мозга украсил труп жертвы первой же яркой вещицей, что подвернулась под руку. Но у кого под рукой могла оказаться шляпная картонка на столике в прихожей?

Генри в сотый раз спросил:

– Входная дверь точно была заперта?

– Разумеется! – сердито ответил Пенрок. – Вы все видели, как я ее запираю. Я еще помню, когда ночью хотел выйти из дома, ключ застрял в замке...

Такая обыденная мелочь, ключ не поворачивается в замке, а тем временем сердце сжимается от страха, что сейчас он увидит Фрэн, свою любимую, в грязной канаве, с отрезанной головой... Разве такое забудешь?

– А двери в сад? – Фрэн прислонилась к перилам, закуривая сигарету. – Во всех комнатах нижнего этажа – стеклянные двери... И в гостиной, и в столовой по другую сторону, и в библиотеке... Может, какая-то из них осталась открытой?

– Вряд ли Бунзен недосмотрел, – с сомнением отозвалась Венис.

Бунзен служил у отца Пенрока с тех давних пор, когда сам Пенрок был еще маленьким. Сестры Харт выросли под взглядом его добрых голубых глаз, и кроме этих троих людей, да еще своей сестры в Тенфолде он никого не любил в целом мире. К Пенроку обращался почтительно-сдержанно, а уж Фрэн и Венис были радостью его сердца. Он целыми днями придумывал для них маленькие приятные сюрпризы, мечтал о счастливом будущем для своих обожаемых барышень и не уставал любоваться их милыми причудами. Славный старик с круглым розовым морщинистым лицом и аккуратной каемкой серебристых волос вокруг лысины всегда бывал безупречно одет, если не считать ботинок, растянутых и надрезанных, чтобы не так болели мозоли; поэтому дворецкий всегда выбирал брюки подлиннее. Вся его жизнь прошла на службе семейству Пенрок; если и был за воротами Пиджинсфорда широкий мир, для Бунзена он не представлял интереса. И вправду, едва ли Бунзен мог оставить ночью хоть одну дверь не на запоре.

– Может, все-таки спросим его? – предложила Фрэн, вскакивая на ноги.

Они с Пенроком нашли дворецкого в кухне – старик сидел за столом, уставившись на чашку горячего чая. Бунзен поднял на хозяина измученный взгляд.

– Что же вы спать не ложитесь? – участливо спросил Пенрок.

Старик с трудом встал.

– Не могу, сэр. Так и вижу бедную леди. Вы, сэр, уже заранее знали, и то вам дурно сделалось, а я... так вот и наткнулся на нее по дороге. Никак не опомнюсь. Правда, я поначалу-то не понял, что голова у нее отрезана, мистер Пенрок, сэр, а не то и до дома, наверное, не дошел бы. Но я решил, что это мисс Фрэн лежит. Волосы темные и шляпка... Помогите мне боже, я думал, это мисс Фрэн... – Он закрыл лицо руками, однако вскоре справился с собой и начал извиняться: – Вы уж простите, милая моя мисс Фрэн, что я такое при вас говорю!

– Ах, что вы, Бунзен, не извиняйтесь! Постарайтесь обо всем этом не думать, вот и все. И чаю лучше не пейте, а то совсем не заснете.

– Ложитесь в постель и примите аспирину, что ли, – сказал Пенрок. – Утром поспите подольше. Кухарка и горничные без вас справятся. Только скажите, Бунзен: вы вчера заперли все двери, как обычно?

– Да, сэр, как полагается. Кроме входной двери, конечно. Ее я всегда вам оставляю.

– А окна и прочее? Не бойтесь, говорите. Было бы легче знать, что кто-то чужой мог пробраться в дом.

– Нет, сэр, я все запер, прежде чем ехать в Тенфолд.

Бунзена глубоко потрясла одна только мысль о том, что он мог оплошать в таком важном деле. Чтобы он оставил окна-двери нараспашку, да еще в такое время, когда кругом только и говорят о вторжении!

– Я и черный ход запер. Когда вернулся, открыл своим ключом. Давайте еще раз все осмотрим, сэр, если сомневаетесь! Увидите, все в полном порядке.

Констеблю, который вслед за ними пришел в кухню, явно не улыбалось тащиться на обход.

– Инспектор уже все осмотрел, – объявил он, грозно шмыгая носом. – Все заперто, честь по чести.

– Спасибо, – ответил Пенрок, хотя известие его не обрадовало.

Если дом всю ночь был надежно заперт, как в него пролез маньяк? И если все-таки пролез, что ему было нужно? Не за шляпкой же он пришел – о ней никто не знал, кроме самого Пенрока и его гостей.

Фрэн, видно подумав о том же, спросила:

– Бунзен, а вы никому не рассказывали про мою шляпку? Слугам или, может, в Тенфолде кому-нибудь?

– Нет, мисс Фрэн. С чего бы я стал рассказывать?

– Я понимаю, как это глупо звучит, а все-таки? Может, чтобы развлечь вашу сестру...

– Ни слова никому не говорил, мисс, – твердо ответил Бунзен. – Точно не говорил, ни там, ни дома. Хотя рассказать есть о чем. Вы в этой шляпке, мисс, были прямо как картинка, осмелюсь заметить. Мисс Фрэн ее примерила перед зеркалом в холле, сэр, – пояснил он Пенроку. – И спрашивает: «Бунзен, как вам?» А я говорю: «Загляденье, мисс». Правда, мисс Фрэн? Потом зашел на кухню, а там кухарке только что сообщили по телефону, что моей сестре опять хуже стало, и после того я ни о чем другом думать не мог – кроме работы, конечно. Только подал кофе и сразу на велосипеде поехал в Тенфолд. Все остальное у меня из головы как вышибло.

– Ну хорошо, Бунзен, ложитесь-ка спать. Простите, что вас растревожил. Это все пустяки. Спокойной ночи! И утром не спешите вставать, отдохните как следует. Горничные обо всем позаботятся.

– Спокойной ночи, милый Бунзен! – Фрэн коснулась руки старика. – Спите крепко! И постарайтесь... не думать ни о чем.

Улыбнувшись Бунзену, она ушла наверх вместе с Пенроком.

Почти все уже легли спать. Венис выглянула из своей комнаты:

– Пен, а может, мы оставили дверь в сад открытой после того, как вечером выпускали Азиза?

– Я сам закрыл эту чертову дверь, – мрачно ответил Пенрок.

Фрэн совсем поникла.

До чего же неудачно, что они с Джеймсом именно в эту ночь тайком разговаривали в саду! А дверь черного хода оставили открытой, чтобы потом незаметно вернуться. Конечно, с убийством это никак не связано. Просто маньяк, наверное, вошел в дом неведомо зачем, увидел на столе шляпную картонку, забрал шляпку и украсил ею мертвое тело. Или, может, сама мисс Морланд?.. Но откуда ей было знать, что черный ход несколько минут оставался незапертым? И зачем ей шляпка? Мисс Морланд ее так ругала. Сказала, что даже мертвой в канаве не хотела бы в этой шляпке показаться людям на глаза...

А теперь она мертва. И лежала в канаве, в этой самой шляпке. И если смотреть правде в лицо – а Фрэн от правды никогда не пряталась, – слова мисс Морланд слышали всего шесть человек: сама Фрэн, ее сестра-близнец, ее вторая половинка Венис; бабушка, заменившая им обеим и мать, и отца, и лучшего друга, и Пен – милый Пен, самый добрый и честный из людей, и Генри, кого Венис так отчаянно любит, и Джеймс. Джеймс обнимал ее тогда в саду, прижимал к себе сильно, до боли, и обрушил на нее море любви и тоски... Вечно сонный Джеймс – проснулся наконец.

Венис, бабушка, Пен, Генри и Джеймс. Больше никто тех слов не слышал.

Глава 3

Наутро за завтраком царил гнетущая атмосфера. Все, как и Фрэн, лежа без сна, сложили два и два и сделали примерно те же выводы. Время от времени в столовую доносились громкие голоса и топот: подручные Коки заперли дом и подвергли его тщательному досмотру. В холл обитателям дома выходить запретили, так что в столовую они добирались круговыми путями. Таким же путем туда явилась молодая леди, которую Бунзен представил неодобрительным тоном:

– Мисс Ле Мэй, сэр, с разрешения инспектора Кокрилла.

В серо-зеленых глазах мисс Ле Мэй искрилось любопытство. Сама она была миниатюрное создание с худенькой энергичной фигуркой и выразительными смуглыми руками. Густые волосы, рыжие от природы, с помощью искусства превратились в каштановые, а подстрижены были так коротко, что напоминали вязаную шапочку, которая плотно обтягивает голову. Поверх волос мисс Ле Мэй повязала яркий шарф, закрепив его концы парой громадных золотых шпилек. Выглядела она довольно стильно, однако все моющие средства в мире не помогли бы ей создать впечатление чистоты. Мисс Ле Мэй была характерной актрисой и довольно успешно пробивала себе дорогу в театрах Вест-Энда. Кроме того, она была двоюродной сестрой Грейс Морланд.

Пенрок встал, чтобы поздороваться.

– Мисс Ле Мэй! Я и не знал, что вы здесь. Или вы только сейчас приехали?

– Я приехала вчера вечером, – коротко ответила Пайпа, небрежно помахивая рукой. – Доброе утро, леди Харт! Привет, Венис! Привет, Фрэн! О, привет, Джеймс!

– Привет, Пайпа, – ответили все, растерянно глядя на нее.

Пенрок предложил ей сесть.

– Спасибо, – ответила она, хладнокровно усаживаясь за стол. – А можно мне кофе? Слушайте, вот ведь какая петрушка с бедолагой Грейс, правда?

– Ужасно, – ответил Пенрок, вновь разволновавшись.

– Когда я вчера приехала, она была какая-то взвинченная. Я подумала, это от неожиданности. Вы же знаете, она любила разводить панику из-за всякой ерунды. Ее нужно было за два месяца предупреждать, что приедешь, но я сама только вчера вдруг решила и собралась. Не тратить же девять пенсов на телеграмму! Цены военного времени – это кошмар какой-то.

– Вы могли позвонить сюда, мы бы с удовольствием ей передали, – сказал Пенрок.

В Пиджинсфорд-коттедже не было телефона.

– Ага, междугородний звонок ненамного дешевле телеграммы обойдется. Да и мне просто в голову не пришло.

– Так вы говорите, она казалась расстроенной?

– Лицо зареванное, и нервы на взводе. Около восьми вечера дело было.

– Когда вы ее в последний раз видели? – раздалось сразу несколько голосов.

– Боже мой, вы прямо как старина Кокрилл! Он сегодня явился ни свет ни заря, вытащил нас из постели и задавал самые невероятные вопросы. В конце концов мы выяснили, что в последний раз видели ее в начале двенадцатого, когда спать ложились. Тротти дала мне горячего молока с печеньем каким-то и понесла то же самое Грейс, а когда вернулась, сказала, что Грейс сама не своя, бегает по комнате кругами, как курица с отрезанной головой... Ах, господи! – Пайпа прижала ко рту ладонь, округлив глаза в комическом испуге. – Какое неудачное сравнение!

– Пожалуйста, продолжайте, дорогая, – сказала леди Харт, хотя Пайпа вовсе не была ей дорога.

– В общем, она там хлопала крыльями и повторяла, что кого-то теперь держит в кулаке, или что-то вроде этого.

– Что это может значить? – изумилась Фрэн.

– Бог ее знает... Она сказала «кое-кто у меня в кулаке» – довольно-таки неопределенно, да еще в пересказе Тротти. А что за история со шляпкой? – вдруг спросила Пайпа.

Все утро о шляпке никто и слова не промолвил, словно ее значение было слишком глубоким и опасным, чтобы поминать о нем всуе. От бесцеремонного вопроса Пайпы все разом застыли.

Пенрок спросил:

– Разве инспектор вам не рассказывал?

– Он мне задал кучу дурацких вопросов. Откуда мне что-то знать о какой-то шляпке Фрэн?

А может, она и знала, подумала Венис, и черная туча в ее душе мигом развеялась. Вот спасение от ужасных мыслей, приходящих в предрассветный час, когда жизненная энергия идет на убыль и чувство юмора изменяет. Грейс вполне могла все рассказать своей кузине Пайпе, да и старой служанке Тротти. А уж Тротти могла насплетничать половине деревни. Десятки людей, наверное, знали о словах Грейс Морланд насчет шляпки. В милой, такой привычной столовой с белыми стенами и льющим в высокие окна бледным светом зимнего солнца Венис вдруг стало совершенно ясно, что случилось всего лишь простое совпадение. Мисс Морланд забрала шляпку для каких-то своих целей – может быть, назло Фрэн. А по дороге через сад на нее напали, убили и бросили в канаву. И совсем нет места ужасным, темным подозрениям, о которых даже Генри рассказать невозможно. Никто из дорогих ей людей не замешан, все легко, и ясно, и вполне объяснимо.

Венис с живостью повернулась к Пайпе Ле Мэй:

– Мисс Морланд говорила вам или Тротти про шляпку Фрэн? Ей эта шляпка не понравилась. Мисс Морланд ее назвала глупой и легкомысленной, и даже когда с Пенем прощалась у своего дома, что-то ему говорила в том же духе... Должно быть, она и Тротти сразу рассказала...

– Не знаю, меня при этом не было, – равнодушно ответила Пайпа. – Мне она ничего не говорила, а Тротти уверяет, что и ей тоже. А что, разве это важно?

Леди Харт видела, что Фрэн расстроилась. Ужасно, что ее смешную шляпку использовали для такой чудовищной цели. Выходило, будто сама Фрэн каким-то образом виновата в том, что бедную бестолковую Грейс Морланд не просто убили, а еще и надсмеялись над ней.

Чтобы сменить тему, леди Харт сказала:

– Пайпа, а зачем вы приехали? Я думала, вы сейчас выступаете в ревю?

– Случилось несколько выходных, – беспечно ответила Пайпа. – У нас новая система – играем по очереди, так, чтобы два раза подряд не было одинакового состава. Это привлекает публику: зрители знают, что увидят и знакомых артистов, и новых тоже, как и новые номера. А главное, всегда можно урвать свободный день-два, если понадобится.

Все невольно подумали о том, что для Пайпы не было никакой необходимости урывать пару свободных дней ради поездки к кузине Грейс. Она и так еще со школы приезжала сюда каждое лето. Деревушка Пиджинсфорд расположена поблизости от моря, у Грейс имелась машина, хоть и крошечная, и погостить месяц у кузины ничего Пайпе не стоило. А среди зимы здесь не бывает никаких развлечений, кроме заседаний женского клуба в Тенфолде да чаепитий у священника.

Джеймс Николл знал Пайпу лучше других – когда-то она охотно каталась с ним на парусной лодке «Зеленые рукава» и оставалась выпить вместе пива, когда компания из Пиджинсфорда чинно отправлялась домой.

Быть может, по праву такого давнего приятельства он вдруг спросил:

– Послушай, э-э... Пайпа. А что ты делала вчера вечером, от половины десятого до одиннадцати?

Кофейная чашечка Пайпы резко звякнула о блюдец. Но замешательство продлилось не дольше секунды. Пайпа ответила спокойно:

– Мне стало скучно с Грейс и Тротти. Я вышла прогуляться по саду. При луне там красиво – заснеженные холмы и все прочее. Вы уж простите, мистер Пенрок: я, кажется, забрела на вашу территорию. Вечно путаюсь, что относится к вашей усадьбе, а что к коттеджу. Сад принадлежит вам, правильно?

– Здесь все принадлежит мне, – коротко ответил Пенрок. – А коттедж мисс Морланд у меня арендовала.

– Ты кого-нибудь видела в саду? – спросил Джеймс.

Имущественные вопросы его, судя по всему, не интересовали.

– По-моему, там прогуливался еще один человек, – с готовностью ответила Пайпа. – Хотя, может, мне и показалось. Я его толком не разглядела, просто видела, что кто-то ходит. Конечно, я рассказала об этом полиции.

В половине одиннадцатого, подумала леди Харт, все они в гостиной играли в карты – то есть все, кроме Джеймса. Он сказал, что у него болит голова, и пошел подышать воздухом. Правда, к одиннадцати вернулся и лег спать. Так сказала Фрэн. Крикнула сверху, перегнувшись через перила: «Говорит, он уже лег! Спать хочет, голова так и не прошла». В одиннадцать Грейс Морланд была еще жива.

Джеймс сказал:

– Должно быть, это меня ты видела в саду. Я там... гулял. Странно, что мы разминулись. Конечно, все это ничего не значит, но полицейские наверняка будут расспрашивать.

– Уже расспрашивали, – весело подмигнув, ответила Пайпа.

Полицейские продолжали расспрашивать. Инспектор Кокрилл с темными от бессонницы кругами возле блестящих птичьих глаз повесил фетровую шляпу в прихожей – туда уже вновь открыли доступ всем желающим – и обосновался в библиотеке, вызывая к себе по очереди обитателей дома. Покончив с этой частью расследования, он созвал всех вместе и произнес небольшую речь:

– Итак, леди и джентльмены, я не задержу вас надолго. Дело это ужасное, и я вам очень благодарен за помощь. Насколько мы смогли установить, убийство было совершено между одиннадцатью вечера, когда горничная мисс Морланд в последний раз видела свою хозяйку, и полуночью, когда дворецкий обнаружил тело. За это время из прихожей забрали шляпку, позднее найденную вместе с телом. Имеются сведения... – тут он почти незаметно подмигнул Фрэн, – что в одиннадцать часов шляпная картонка, по всей видимости нетронутая, находилась здесь, на столике. Начиная с этого времени все двери и окна дома были заперты изнутри на замки и засовы. После преступления я обнаружил их также запертыми изнутри.

Инспектор сделал многозначительную паузу и скрутил себе сигаретку.

– Это же невозможно, Коки! – сказала Фрэнсис. – И потом, о шляпке никто не знал.

– Очень многие знали, – сурово поправил Коки. – Вы сами знали. Знала леди Харт, знали Венис, мистер Голд и капитан Николл. И дворецкий.

– И все остальные слуги, без сомнения, – прибавила леди Харт.

– А! Слуги! – живо откликнулся инспектор. – Я как раз собирался к ним перейти. Леди и джентльмены, позвольте вам сообщить, что прислуга Пиджинсфорд-хауса никак не связана с преступлением. Еще до одиннадцати у кухарки разболелись зубы и болели долго после полуночи. Что оказалось весьма удачным, поскольку все суежились вокруг нее с гвоздичным маслом, горячими полотенцами и, надо думать, стаканчиками бренди. Во всяком случае, постоянно были друг у друга на виду, почти не отлучаясь, так что об убийстве никто

даже подумать не успел бы. Дворецкий, конечно, знал о шляпке, но минут в двадцать – двадцать пять двенадцатого он только-только выехал из Тенфолда на велосипеде. И если он за тридцать пять минут одолел четыре мили по холмам, где еще снег лежит, выманил бедную леди из коттеджа, убил, принес шляпку, нахлобучил ей на голову и добежал через сад к дому звать на помощь – что ж, одно могу сказать: для своего возраста он в прекрасной спортивной форме. Мне, например, такие подвиги не по силам.

Кокрилл бросил на дворецкого суровый взгляд, словно был сильно обижен его физическим превосходством. Бунзен в ответ благодарно улыбнулся дрожащими губами.

– Что касается престарелой служанки в коттедже, – продолжал инспектор, принимаясь за очередную самокрутку, – думаю, вы все согласитесь, что о ней речи нет. – Кокрилл обвел взглядом присутствующих, как будто кто-то мог возразить. – Итак, она исключается. Дворецкий исключается. Прочие слуги исключаются. Остаются всего шестеро человек, знавших о шляпке и в силу этого попадающих под подозрение. Вы уж меня простите, но таковы факты. А от фактов прятаться бесполезно.

– Коки, а как же маньяк? Тот, что в прошлом году убил девушку в лесу?

– Дойдем и до маньяка, – хмуро ответил Кокрилл и добавил, будто невзначай: – Вы все и тогда были здесь, правильно?

– Да, мы гостили у Пена. А Джеймс остановился в деревне, в «Черном псе».

– А мисс Ле Мэй? Вы не помните, она тогда гостила в коттедже?

– Почему вы задаете такие вопросы, инспектор? – встревожилась леди Харт.

– Да так, просто спросил. – Потемневшие от никотина пальцы инспектора вертели сигарету. – А все-таки любопытства ради – была она здесь в то время?

– Не понимаю, с чего вы взяли, что нам интересны обстоятельства жизни этой девицы... Впрочем, я помню, что ее тогда здесь не было. Верно, дети? Она уехала за границу, на гастроли со своей труппой. Я только потому запомнила, что ей потом очень трудно оказалось вернуться, из-за войны.

Судя по выражению лица, леди Харт сожалела о том, что мисс Ле Мэй вернуться все-таки удалось.

– Так-так... Стало быть, два преступления, – продолжил Коки совсем другим тоном, внимательно разглядывая сигарету. – В самом деле, можно подумать, что между ними существует связь, верно?

– Сходство только в том, что оба раза жертве отрезали голову!

– А разве этого мало? – насмешливо спросил инспектор.

– Ах, конечно... Вы хотите сказать, что оба убийства совершил один и тот же человек?

– Полной уверенности нет, Фрэн. Мог совершить.

– Инспектор, дело-то простое, – вмешался Генри. – Мы все решили, что прошлогоднее убийство совершил бродяга, маньяк-безумец. Если он снова нанес удар, при чем тут Пиджинсфорд-хаус? Зачем говорить, что на нас падает подозрение?

– Если вы решили, что он бродяга и к тому же маньяк, это еще не значит, что к тем же выводам пришла полиция, – спокойно ответил Кокрилл. – Такая возможность существует, однако если убийца и был маньяком, то, мягко говоря, весьма необычным. Девушку связали и отсекли ей голову косой. Как правило, маньяки убивают жертву собственными руками или первым подвернувшимся орудием: душат, разбивают голову тяжелым предметом, закалывают чем-нибудь острым... Их терзает жажда убийства, некогда отвлекаться на разные причуды вроде связывания жертвы. Кроме того, не было совершено никаких действий сексуального характера. Безусловно, такое тоже случается, но в целом картина складывается нестандартная. И если убийцей был бродяга, как вам хочется думать, почему он снова оказался здесь? Бродяги по самой своей природе не склонны оставаться на одном месте.

– Может, он совершил круг и опять вернулся сюда? – предположил Джеймс, рисуя пальцем круг в воздухе.

– Возможно, – покладисто согласился Коки, хоть и без особой убежденности.

За ночь снег окончательно растаял, и невозможно было отличить, какие следы оставлены до преступления, а какие – после. Голову отделили от тела здоровенным тупым топором – он валялся тут же, у дороги. Сержант Дженкинс с важным видом явился допрашивать фермера, хозяина топора.

– Гм-м... Касательно топора, оставленного в саду близ Пиджинсфорд-коттеджа в ночь накануне... Гм, в общем, вчера вечером. Полиция желает установить точное местонахождение топора и в котором часу его оставили в саду близ Пиджинсфорд-коттеджа в ночь накануне...

– У вас пластинку заело, – сообщил сынишка фермера, заглядывая в окно. Мальца выгнали из гостиной, пока взрослые разговаривают.

Дженкинс грозно нахмурился.

– Да я топор во дворе бросил, чтобы утром хворост нарубить, – буркнул фермер и добавил воинственно, потому что сильно перетрусил: – А что плохого? Я завсегда его там оставляю.

– Крайне опасная привычка, – строго ответил сержант Дженкинс. – Кто знал, что вы топор во дворе без пригляда оставляете?

– Да кто хошь. Хотя, опять же, я никому не говорил, что завтра хворост рубить собираюсь. Топор у дорожки лежал, сразу за мостиком. Старый такой, ржавый, кому он нужен? Я им только хворост и рубил...

Затем сержант Дженкинс отправился в Торрингтон – соседний городок, откуда накануне в десять вечера к сестре дворецкого вызвали молодого доктора Ньюсома. Доктор Ньюсом, чуть ли не подпрыгивая от нетерпения, пригладил кудрявую золотистую шевелюру и подтвердил, что в самом деле посетил больную в Тенфолде, на полпути между Торрингтоном и деревней Пиджинсфорд. Там он оставался, пока не прибыла вызванная им медсестра из окружной больницы, и там же находился брат пациентки, а сейчас пусть сержант его извинит, он страшно торопится, пора начинать обход больных, а он и так опаздывает. Медсестра, в свою очередь, сообщила, что приехала к больной около одиннадцати вечера и застала там доктора Ньюсома и брата пациентки. Брат дождался, пока она не устроила больную на ночь, а потом, примерно двадцать минут двенадцатого, уехал на велосипеде в Пиджинсфорд, и, может быть, сержант ее наконец отпустит, потому что если сержанту, к примеру, делать нечего, так ей очень даже есть чем заняться, и все вышесказанное она вполне могла изложить за пять минут, незачем тут полчаса разговоры разговаривать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.